

ВИТАЛИЙ РОЖКОВ

**СУНДУЧОК
БАБУШКИ НИНЫ**

СКАЗ ПЕРВЫЙ

Виталий Рожков

**Сундучок бабушки
Нины. Сказ первый**

«Издательские решения»

Рожков В.

Сундучок бабушки Нины. Сказ первый / В. Рожков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905881-2

Чего только ни происходит в сказках: волшебство, оборотничество, похищения, полёты в ступе и на ковре-самолёте, борьба Добра со Злом. И всё это на фоне Любви, без которой не было бы и самой Вселенной. Любите друг друга и верьте в Чудо.

ISBN 978-5-44-905881-2

© Рожков В.
© Издательские решения

Сундучок бабушки Нины

Сказ первый

Виталий Рожков

© Виталий Рожков, 2018

ISBN 978-5-4490-5881-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СКАЗ ПРО КОРОЛЕВИЧА РАТИБОРА И МАРФУ-НЕВЕСТУ

Было это али не было-не могу сказать. Не потому, что давно на свете живу и память уже не та. А просто я ещё тогда на свет не появилась. Но мне о том моя бабушка поведала, так что просто слушай и вникай. Ведь недаром же старики говаривали, что сказка ложь, да в ней намёк-добру молодцу урок.

Случилось это в те достославные времена, когда по небу ещё летал ковёр-самолёт, развозя купеческие товары по всему Тридевятому царству. По земле, перегоняя ветер, мчался в сапогах-скороходах Иван-царевич, спеша освободить свою ненаглядную Василисушку. А гусли-самогуды могли заставить пуститься в пляс даже самого Черномора. Да, много чего тогда было такого, что и ни в сказке сказать, ни пером описать.

В те времена в селе Кукуево, что у самого Заповедного Леса, в большом купеческом доме жила Марфа, единственная дочь купца Авдея. К несчастью, мать девушки покинула этот бренный мир ещё совсем молодой и отец взял воспитание дочери в свои крепкие работающие руки. Авдей, коть и купец, не чурался никакой работы. Мог и лес повалить, и дрова наколоть, и муку смолоть, и хлеб испечь, и подкову выковать. А ещё он славился тем, что любую хворобу словом целебным вылечивал. Это ему от прабабки-ведуньи в наследство досталось. Весь люд сельский к Авдею за помощью приходил и он никогда никому не отказывал, за что купца очень любили и приносили гостинцы для дочери. Старухи жалели вдовца, а молодухи глазки строили. Но Авдей вечно отмахивался, как от надоедливых мух. Время шло. Марфа из худосочной конопатой девчушки превратилась в стройную пышногрудую красавицу. Её чёрные, как смоль, волосы всегда были заплетены в длинные косы, а в бездонных голубых глазах утопали парни. Не раз уже к Авдею засылали они сватов, да только всё время зря. И дело тут было не в купце, а самой Марфе. С самого рождения баловал Авдей дочь свою единственную, да так, что любой её каприз исполнялся мгновенно. Порой купцу приходилось тратить немалые гроши на покупку подарков, но он никогда не скупился, считая, что Марфа должна жить как царевна. А сама купеческая дочь принимала их как должное, с каждым годом становясь всё требовательнее и своенравнее. Ей уже было мало волшебных зеркал, говорящих правду; красных сафьяновых сапожек, как у самой царевны Марьи; скатертей-самобранок, что могли полмира накормить и изумрудных серёжек, что делали чуть лопухие уши венцом творения. Она с каждым днём требовала всё больше и больше, совсем не думая о своём старом усталом отце, который вставал ни свет ни заря, а ложился далеко за полночь. И настал день, когда Авдей, махнув рукой, сказал:

— Пора бы тебе, доченька, замуж собираться. Я уже не молод, да и силы не те, что в молодые годы были. Вырастил тебя, как мог, а теперь ты должна своим умом научиться думать. Не век же при мне жить. А муж молодой да статный будет тебя на руках носить да серебром

с золотом осыпать. Посмотри, какая ты у меня красавица-любо дорого посмотреть. Да за такую и сам царь Иван бы пошёл, если бы не был ужасно старым.

Громко хмыкнув, Марфа пристально посмотрела на отца, в надежде, что он просто шутит. Но не увидела даже искорки в глазах, как раньше. И вдруг поняла, что отец стар и не сможет больше баловать её.

«А что, – подумала красавица, – вот возьму, да и выйду замуж. А отец пусть живёт, как может. Вот только где мне найти такого суженного, который бы и богатым был, и красивым, и не жадным. Эх, не просто нам, красавицам. Но, ничего, чай не в чаще живу».

А вслух сказала:

– Ты прав, батюшка, что-то я в девках-то засиделась. Но только мне суженный нужен такой, как в былинах да сказках. Богатырь, но не ратник, богатый, но не жадный, красивый, но чтобы не затмевал мою красоту и очень добрый, но только для меня одной.

Выслушал Авдей дочь свою, почесал затылок и сказал:

– Ну и задала же ты мне задачу. В нашем селе точно такого не отыскать. Придётся нам с тобой в Муром ехать. Там всякого добра навалом, глядишь и найдётся суженный, о котором мечтаешь. Завтра утром и оправимся. А сейчас спать ложись, чтобы быть во сто крат лучше самой царевны.

Не стала Марфа с отцом спорить, как раньше делала, а в светёлку свою пошла. Села перед зеркалом волшебным, провела рукою правой по нему и спросила:

– Ты скажи, волшебное стекло, я ль самая красивая на всём белом свете. Да смотри, только правду глаголь.

Помутнело поначалу зеркало, как задумалось. А затем в самом центре его лицо появилось:

– Я правду скажу, что прекрасна ты очень. Но только Марья красивше тебя. Она не проводит бессонные ночи, до зорьки платочек свой теребя. И ликом, и станом как лань безупречна, а голосом звонким до звёзд достаёт. А нравом своим и добра, и привечна, с кем рядом она, тому и почёт.

– Фу, глупое стекло! – воскликнула Марфа и чуть не ударила по зеркалу. Ничего ты не понимаешь в красоте! Я и только я самая-самая-самая!

По глади зеркальной вновь муть пошла и дочь купеческая просто кинула «ненужную» вещь на лавку, чуть не разбив. А потом раскрыла «Былины земли русской» и с головой ушла в чтение. Лишь за полночь сон сморил её. А как утром наступило, так Марфа в самое своё лучшее платье облачилась, заграничное. Сапожки красные сафьяновые на ножки стройные надела. Косы свои длинные алыми лентами перевезала. Нарумянила щёчки ландышем, подвела глазки сурьмой, а губки янтарём помазала-стала ещё краше. Посмотрелась в зеркало и ахнула от удовольствия. Тут в дверь постучались и вошёл Авдей. Увидев дочь, он аж подпрыгнул от удовольствия.

– Ну, Марфуша, готова ли ты, милая? Евлампий уж давно коней запряг.

– Поехали, батюшка, что медлить, – довольная собой, ответила купеческая дочь.

До Мурома было пять вёрст и Марфа в дорогу взяла «Сказки», чтобы скучно не было. Погода была ясная, а дорога чистая, так что умудрились за час доехать. А в Муроме людей видимо-невидимо и все куда-то спешат. Подъехали к постоялому двору, что в самом центре города, отпустили Евлампия коней накормить да напоить, а сами пошли комнаты занимать. Выбрали самые светлые да просторные, хоть и дорогие очень. Решили немного отдохнуть до обеда, чтобы после него отправиться на прогулку. Марфа достала свой походный сундучок и вновь обратилась к зеркалу, в надежде, что оно признает её самой-самой-самой. Но зеркальная гладь даже дымкой не подёрнулась. Положив зеркало обратно, Марфа села у окна и принялась рассматривать прохожих. Вот пробежал мальчишка лет пяти с вихром рыжих волос, пышная женщина прошла с баранками на шее, седой старик устроился на завалинке и стал

играть на гармошке. Марфа уже хотела было встать, когда вдруг увидела молодого парня, похожего на свою мечту.

«Я буду не я, если он не станет моим», – решила купеческая дочь и быстро спустилась по лестнице.

Авдей, увидев её, хотел было окликнуть, да не стал. Вышла Марфа из постоянного двора и нос к носу столкнулась с тем красавцем, которого видела из окна, упав к нему в широко расставленные руки.

– Уф-ф, – только и смогла вымолвить купеческая дочь.

– Миль пардон, красавица, – улыбувшись сказал парень, – я восхищён Вашей красотой.

Куда Вы так спешите?

Марфа покраснела от удовольствия, глазками заморгала, губки облизала и ответила:

– Да вот, хотела совершить променада до обеда.

Парень, не убирая улыбки, спросил:

– А не соизволит ли красавица принять предложение прогуляться вместе со мной?

Марфа мило улыбнулась и кивнула в ответ. Тогда парень взял её под ручку и они вместе направились вниз по улице.

– А как зовут Вас, красавица? – спросил он вскоре.

– Марфю, – опустив глазки, ответила купеческая дочь.

– Приятно познакомиться, – сказал парень, – а я Ратибор, что значит защитник.

Марфа хотела было что-то приятное ему сказать, да только язык будто к зубам приклеился, только глядит на красавца, да глазками своими пильк, пильк, пильк. И богатырь (широкоплечий (словно коромысло проглотил), взор соколиный (будто сквозь тебя смотрит), ручищи что лапищи волчьи (того и гляди семерых обнять может, да и силища в них-за версту чувствуется. А уж ежели кулак согнёт, то берегись любой тать), ножищи как у медведя (но не косолапит)) и богат (костюм заграничный, сидит как влитой; шляпа тоже не из Руси, с широчеными полями; ботинки как с картинки, остроносые и на Солнце блестят, даже перчатки и то моднющие-примоднющие), красив, но в меру (чуть курнос, конопат, лопоух (причём левое ухо торчком стоит), волосы как лён, глаза как блюдца с голубой водицей, брови лохматые), а уж добром так и веет. Как на такого да не засмотреться? Марфа и не услышала сразу, как Ратибор спросил:

– Красавица, а какого Вы, миль пардон, звания-происхождения?

– Я дочь купеческая, – зардевшись, ответила она, – мой батюшка, Авдей Фролыч, торговлю по всему Тридевятому царству ведёт, да людей от всяких хвороб словом целебным лечит.

Услышав это, Ратибор остановился и во все глаза уставился на неё. Марфе аж чуть дурно от этого не стало. Подумала, бедная, что, услышав про отца-купца, красавец не захочет больше с ней водиться, мол, не моего поля ягода.

– А не тот ли это Авдей, что дочь царя Ивана, царевну Марью, от тоски-немочи вылечил? – наконец выговорил Ратибор.

– Да, это мой батюшка, – покрасневшись вновь, ответила Марфа.

Ратибор вдруг упал на левое колено и, взяв красавицу за правую ручку, нежно поцеловал её. Марфе ещё никто и никогда не делал этого. Да, в сказках она читала, как принцы целуют принцесс, но одно дело книга, и совсем другая жизнь. От неожиданности голова у Марфы закружилась и если бы не объятья Ратибора, то упала бы прямоком на землю.

– Что с Вами, краса моя? – воскликнул испуганно богатырь, снял перчатку и стал махать ею перед лицом девушки.

Лишь через несколько мгновений Марфа пришла в себя. Она открыла глаза и тихо прошептала:

– Я... Вас... люблю...

– Что, что? – переспросил Ратибор, наклонившись к ней.

– Я... Вас... люблю... -повторила Марфа и ещё снова покраснелась.

– Уфф, – сказал Ратибор и помог девушке подняться, – а я-то уже испугался, думал, всё, нет больше красавицы и виновен в том я...

И вдруг замер, как вкопанный, сильно побледнев. Тут уж пришёл черёд Марфе перепугаться.

– Что с Вами? -воскликнула девушка, побледнев от страха.

– Вы... Вы... сказали... люблю... -наконец выговорил Ратибор-Ещё никто и никогда мне этого не говорил.

Марфа сильно удивилась. Как можно не влюбиться в такого красавца?! Даже слепому Ратибор бы понравился! Увидев удивление на лице девушки, богатырь покраснел как маков цвет.

– Просто даже моя матушка считает меня... некрасивым, – произнёс он, опустив глаза, – вот я и стараюсь всю свою жизнь быть незаметным, как серая мышка.

Услышав это, Марфа замахала руками и воскликнула:

– Никого не слушайте! Вы очень и очень красивы!

– Спасибо Вам, – подняв глаза, произнёс Ратибор, – Вы просто... душка.

Услышав это, Марфа вновь покраснелась и сказала:

– Большое Вам гран мерси.

Прогуливаясь, они и не заметили, что уже давно наступило обеденное время.

– Ах, -произнесла вдруг Марфа, – мой батюшка, наверное, уже ищет меня.

– Так давайте я Вас, краса моя, провожу? -улыбнувшись, предложил Ратибор.

– Я буду просто счастлива, – ответила девушка, покрасневшись вновь.

Когда они подошли к постоялому двору, то повисло неловкое молчание.

– Быть может, Вы не откажетесь отобедать со мной и моим батюшкой? -с надеждой спросила Марфа.

– С превеликим удовольствием, – ответил Ратибор, широко улыбнувшись, показав белые, как молоко, зубы.

«Красив во всём!» -пронеслось в голове у девушки.

Когда они вошли внутрь постоялого двора, то сразу же увидели купца Авдея и конюха Евлампия.

– Иди-ка ты на улицу да поищи дочь мою, – наказывал батюшка Марфы, – чует сердце моё, что беда стряслась.

Евлампий уже хотел было отправиться на поиски, да вдруг увидел дочь хозяйскую с каким-то парнем, похожим на иноземца и, обернувшись, непонимающе посмотрел на барина. Авдей, всплеснув руками, воскликнул:

– Доченька! Ты где это бродишь? Я уж испереживался весь!

Посмотрел на Ратибора, а потом на отца, Марфа, снова покрасневшись, произнесла:

– Прости, батюшка, загулялась я и про время совсем позабыла.

Только сейчас заметив статного красавца, стоящего рядом с дочерью, Авдей, крякнув от удовольствия, сказал:

– Ну, ничего. Твоё дело молодое. Небось, проголодались, яко волки? Садитесь скорее за вон тот стол, обедать будем.

Марфа, улыбнувшись Ратибору, взяла его за локоть и потянула за собой. Богатырь на негнущихся ногах последовал за ней. Когда все расселись, Авдей подозвал полового, невысокого парнишку лет двадцати:

– Любезный, принеси-ка нам ушицы из леща да шуки, блинов с сёмгой да мёдом, баранки с чесночком да укропом, кваску дочери да мёда нам с богатырём.

– Сию минуту, – произнёс слуга и исчез.

– Ну, богатырь, – сказал Авдей, – вижу, что ты не из наших мест будешь. Позволь спросить тебя, имя, да звание-происхождение твоё. Не обессуди, я купец и привык прямо говорить.

Наклонившись поближе, возлюбленный Марфы ответил шёпотом:

– Я Ратибор, сын короля Сигизмунда и королевы Марыси, единственный наследник трона, будущий повелитель Пресветлого королевства, что за тремя Знойными пустынями, пятью Глубокими морями и тремя Высокими горами.

Услышав это, Марфа чуть не взвизгнула от удовольствия. Ещё бы, ведь Судьба познакомила её не с купеческим сыном, каким-то, а с королевичем заморским. Про Пресветлое королевство девушка была наслышана. Там и нигде больше водились белогривые Единороги, слёзы которых растапливали даже камень; в реках и озёрах жили синевласые и сладкоголосые Ундины (двоюродные сёстры Русалок, дочерей Водяного); по горам бегали золоторогие Серны, из рогов которых варили приворотное зелье огромной силы; в небесах парили остроокие Орлы с переливающимся оперением, способные своим криком разбудить мертвецов, а в потайных пещерах жили чудные Грифоны с туловищем льва и головой орла, стерегущие несметные сокровища. Но и это ещё далеко не всё. Сам король Сигизмунд был сродни былинному Волхе Всеславьевичу (прапрадеду царя Ивана). Он мог, ударившись оземь, стать и птицей, и зверем, и гадом, и рыбой. А королева Марыся своим чудесным голосом могла не только мужа своего успокоить да войско несметное усыпить, но и самую страшную хворобу вылечить.

– Слыхивал я про отца да мать твою, богатырь, – немного поразмыслив, сказал Авдей, – достойные правители, да и люди хорошие. У таких родителей и сын должен быть смелым, справедливым и мудрым.

Услышав это, Ратибор вновь зарделся как маков цвет.

– Да и о Вас, дорогой Авдей, слухами Земля полнится, – сказал он, справившись с нахлынувшей робостью, ведь что отец, что мать держали его в ежовых рукавицах, никогда не хваля, – я очень рад познакомиться с Вами.

Понравилось купцу такое обращение.

– А зачем, позволь спросить, ты оказался в местах наших? – спросил Авдей через мгновение.

Ратибор, оглянувшись по сторонам, чуть слышно ответил:

– Беда приключилась в Пресветлом королевстве. Пропала младшая сестра матери моей, ясноокая Чеслава, глаза которой пронзают Вечность, а волосы способны вывести заблудшего путника даже из Подземного царства. Никто не знает, куда она запропастилась. Лишь слепая кормилица Магдалена сказывала, что слышала взмахи сильных крыльев перед пропажей.

И не верить ей нет смысла. А глухая ведунья Марта, живущая в Страшном лесу, нагадала, что похититель, никто иной, как Василиск, родной брат Змея Горыновича, что под Муромом в Заповедном Лесу проживает. Вот мой отец и решил послать меня на вызволение тётушки любимой.

Ведь только Чеслава с самого моего рождения была со мной и добра, и заботлива, и всегда говорила, что я наделён красотой, оценить которую сможет лишь истинно любящее сердце.

Он с чувством посмотрел на Марфу, вновь раскрасневшуюся от такого жаркого взгляда, и продолжил:

– Скажу прямо, готов жизнь свою отдать, но спасти тётушку из лап кровожадных Василиска. Люди сказывают, что он одним лишь взглядом своим всё вокруг в камень обращает. А дев да женщин похищает, дабы продлить свой век на белом свете, высасывая из них все соки жизни. И покончить с чудищем можно лишь показав всю его сущность в зеркале-как увидит себя, так сразу и окаменеет. Много богатырей жизнь свою положили, борясь с ненасытным Василиском, да только жив, злосчастный, живёхонек. Но ничего, со мной чудищу не сладко будет! Жизнь отдам, но покончу с кровожадным!

«Ну вот, – подумала Марфа, с сожалением, – воином богатырь мой оказался. А я, дура, ему в любви призналась. Да и не красив он... даже уродлив. И чего это я словно квашня стала? Наверное, съела что-то не то. Уф, как же я во время одумалась-то. Не пара он мне, не пара, и точка. Пусть себе с чудищами воюет, а я получше жениха-то найду».

А вслух сказала, умело скрыв разочарование:

– О, да Вы, Ратибор, герой. Куда только глаза дев красивых смотрят? Да за Вас любая должна с превеликим удовольствием замуж пойти.

Богатырь, зардевшись как маков цвет, произнёс:

– Вы взаправду так думаете? О, я очень польщён. Буду сражаться с Василиском с Вашим прекрасным именем на устах.

«Нужно мне это? Возомнил из себя Муромца! Да если хорошенько присмотреться, он и не богатырь вовсе, а так, Аника-воин», – пролетело в голове у Марфы, очень сожалевшей, что не может вот так просто встать и уйти к себе в комнату.

– О, мне очень приятно это слышать, – чуть ли не сквозь зубы произнесла купеческая дочь, состроив милую улыбку.

Ратибор улыбнулся в ответ, чувствуя, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди от нахлынувших чувств.

Посмотрев сначала на дочь, а потом и на богатыря, Авдей, взъерошив усы пятернёй, сказал:

– Доброе дело ты затеял, Ратибор. Не будь я так стар, то обязательно бы пошёл с тобой. Эх, где они годы мои молодые да удалые?

«Уф, и батюшка туда же, – недовольно подумала Марфа, – того и гляди просватает меня за этого... красавца. Нет, не хочу! Вот встану и уйду!»

– Что с тобой, дочь моя? – вдруг спросил Авдей, заметив бледность на лице девушки.

– Всё в порядке, батюшка, – чуть слышно ответила Марфа, скрыв улыбку, – просто я очень устала.

– Пойди в комнату свою да отдохни, – произнёс Авдей и Марфа, даже не взглянув на Ратибора, быстро встала и ушла.

– Ну, и мне пора, – поднявшись, сказал богатырь, почувствовав себя вдруг покинутым, – надо и за дело браться.

– Так ты что же, Ратибор, один собрался против чудища-то идти? – спросил его Авдей.

Богатырь вновь сел на лавку и задумался. Да, одному идти на Василиска да Змея Горыновича как-то негоже. Но где попугчиков-то найти? Да таких, что не ради славы и богатства, а для торжества добра и справедливости на бой пойдут. Хоть и дал король Сигизмунд сумму немалую, но не хотел Ратибор друзей себе за деньги покупать. Как-то не по-человечески это. Ведь друг-это и брат, которому можно доверить свою самую сокровенную мечту и если миг печали наступит неожиданно, то и поддержку крепкого плеча получить; и советчик, что словом мудрым и утешит, и силы дивные вдохнёт; и защитник, который и спину от предательского кинжала спасёт, и жизнь свою отдаст, не задумываясь. А за деньги ничего, кроме лести получить нельзя. Да ещё и с опаской жить будешь-а вдруг попугчик купленный татем окажется.

– Правы Вы, достопочтенный Авдей, – наконец прервал своё долгое молчание Ратибор, – один в поле не воин. Но где мне найти таких людей, что во имя торжества добра на белом свете готовы любому лиходею глотку перегрызть, не требуя ни славы, ни власти и ни богатства? Я вот уже как неделю в Муроме и до сих пор никого не нашёл. Да, отец мой дал мне денег, но покупать друзей я не буду-не по-человечески это как-то.

Авдей вновь взъерошил свои усы, потом махнул рукой и сказал:

– Эх, была-не была, пойду я с тобой. Хоть и стар, но ещё не немощен. Палицу удержать смогу. А ежели меч булатный дашь, то и с ним справлюсь. В молодые годы ратником при царе

Иване был. Ох, и много же битв с супостатами было. Ни в одной даже царапины не получил. Мать моя сказывала, что на свет я появился в рубашке, а значит заговорённый.

Ратибор посмотрел на него с восторгом.

– Спасибо Вам, достопочтенный Авдей, – поклонившись, произнёс богатырь, – мне сейчас каждый помощник на вес золота. Палицы не обещаю, а вот меч булатный в дар дам от сердца. Но только как Вы дочь свою одну оставите?

– Вот и договорились, – улыбнувшись, сказал купец, – я ещё с собой и Евлампия прихвачу. Храбрый парень, не раз меня из беды выручал. Втроём-то мы быстро с Василиском разберёмся. Да ещё и Змею Горыновичу на блины останется. Только вот с плеча рубить не станем, а план ратный сотворим, как и положено в воинском деле. Каждому из нас роль свою отведём, чтобы складно действовать. И глядишь даже царяпин не заработаем. А дочь моя уже взрослая, сама должна заботиться о себе.

– Вы тысячу раз правы, уважаемый Авдей, – выслушав его, произнёс Ратибор, – Вам, как бывалому воину, и карты в руки.

– Так и порешим, – сказал довольный купец, – скоро ночь уже, выпимся хорошенько, чтобы сон коварно с ног не сбил. А утром милости прошу на постоялый двор. Обсудим все наши действия ратные со свежей головою, а как день настанет, в путь отправимся.

Только тут Ратибор понял, что проговорили они весь день и вечер.

– Вы правы, достопочтенный Авдей, – вновь поднявшись с лавки, произнёс богатырь, – как говорить у вас: «утро вечера мудренее». До утра.

Крепко пожав Ратибору руку, купец залпом допил мёд и сказал:

– Буду ждать тебя, как петухи пропоют. Захвати с собой оружие ратное да доспехи богатырские.

– Всё сделаю, как Вы, уважаемый Авдей, говорите, – улыбнувшись, произнёс богатырь, – завтра с петухами я буду здесь.

Проводив его до дверей, Авдей быстро поднялся наверх и постучал в комнату дочери.

– Я уже сплю, – послышалось в ответ.

– Доченька, это я, – сказал купец и вошёл в комнату.

Марфа сидела на кровати и смотрела в волшебное зеркало.

Авдей недовольно покачал головой. Увидев отца, она быстро положила зеркало под подушку и спросила:

– Ты что-то, батюшка, от меня хотел?

Авдей, присев на лавку у окна, взъерошил усы и ответил:

– Доченька, решил я попутчиком Ратибора стать и в деле ратном ему помочь. Негоже богатырю одному супротив силы нечистой идти. Ты уже взрослая и сама сможешь о себе позаботиться.

Услышав это, Марфа вскочила как ужаленная:

– Батюшка! Что ты такое говоришь?! С ума что ли сошёл?! Тебе бы на печи сидеть, а не в бой идти. Ты стар и немощен! Куда тебе супротив Василиска-то?! Ты ведь и меча не поднимешь! А ежели сгинешь?! Что я делать-то буду?! Нет, не пущу!

– Цыц! -прикрикнул на неё Авдей, недовольный словами услышанными-Не яйцам курицу учить! Сказал, пойду, значит пойду! И слово моё купеческое не рушимое!

Поняв, что отец не отступит, Марфа решила давить на жалость и заплакала, причитая:

– Бедная я разнесчастная! Сиротинушкой милый батюшка оставить хочет! Горе мне горемыке!

– Всё, перестань тут сырость разводить, – махнув рукой, сказал Авдей, – завтра днём в путь выступаем.

Поняв, что ничего не изменит его решения, Марфа в сердцах крикнула:

– Ну и иди, коль решил! А про меня забудь! Не дочь я тебе больше!

Услышав это, Авдей недовольно покачал головой и вышел. А Марфа, упав лицом на подушку, громко зарыдала. Первый раз батюшка пошёл супротив её желания. Но вскоре устала плакать и заснула. И приснился ей дивный-предивный сон. Что она плыла по Морю-океану на прекрасной ладье, а рядом с ней стоял писанный красавец... Как только петухи огласили округу, Авдей поднялся и, умывшись, спустился вниз. Там, к его удивлению, уже ждал Ратибор, сидя за столом. А рядом с ним стоял половой с заспанными глазами.

– Я заказал уже квасу с мёдом, почек заячьих да блинов со сметаной, – сказал, улыбнувшись богатырь.

– Ты посиди пока, а я Евлампия пойду разбужу, пусть с нами позавтракает, – произнёс Авдей и пошёл на конюшню.

А Ратибор задумался... о Марфе:

«Всем прекрасна она. И умом прозорливым, и красотой неземной, и голосок у неё дивный. Влюбился как мальчик и готов мир к ногам положить. Но кажется мне, что она, поначалу, ласковой став, после в ледышку обратилась. В чём дело-не пойму? Да, не красавец с картинки, так и не утверждал я этого. Сама первая им назвала. Может дело в том, что я королевич иноземный и она, просто-напросто, не хочет общаться со мной? Не похоже. Когда я ей об этом рассказал, то она ещё добрее стала. Нет, не понять мне девичьих мыслей никогда».

Авдей вернулся с парнем лет тридцати.

– А вот и мы, – сказал купец, присаживаясь на лавку.

Евламий помедлил.

– Садись, друг любезный, – пригласил его купец, – в ногах-то правды не бывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.